

*Я в детстве спрятался
в шкафу,
Я в нём живу и в нём умру.*

Глеб Самойлов «Ползёт»

ДЕЙСТВУЮЩЕЕ ЛИЦО:

Мячик

СЦЕНА ПЕРВАЯ И ЕДИНСТВЕННАЯ

В тёмной небольшой комнате-спальне стоит односпальная расстеленная кровать, обычный деревянный стул, компьютерный стол с компьютером и водяным фильтром, в котором воды чуть меньше половины. Из освещения только лишь лунный свет из окна и включённая настольная лампа, стоящая на компьютерном столе.

На том же столе рядом с клавиатурой лежит изрядно потрёпанный мобильный телефон-смартфон. Рядом — старый блокнот.

Как-то вдруг разбитый мобильник начинает вибрировать и звонить.

Вибрирует и звонит, вибрирует и звонит, вибрирует и звонит...

Доносится звук сливного бачка, скрип двери, щелчок выключателя, грохот, раздражённое «ай ск!»

Наконец в комнату, торопливо прихрамывая, заходит Мячик — мужчина неопределённого, но какого-то молодого возраста. Мячик бросается к мобильнику. Мобильник замолкает. Как будто и не звонил вовсе.

Не отрывая взгляда от мобильного, Мячик садится на стул.

МЯЧИК: Это были они. Номер неизвестный мне, но это были они. (Смотрит в зал.) Ты понимаешь, что это значит? Они мне всё-таки позвонили. Я им давно уже письмо по электронке посылал, а они вот взяли и позвонили. Значит, хотели поговорить со мной? (Снова смотрит на телефон.) Хотели что-то мне предложить... Что-то стоящее, что-то такое, чего я всю жизнь ждал. (Смотрит в зал.) И дождался. Но они позвонили именно тогда, когда я был в сортире и не смог ответить сию секунду. И я не успел ответить. Вот в этом вся моя жизнь, понимаешь? (Смотрит на телефон.) Я сидел возле этой долбанной трубки, я клал её под подушку, я всё время носил её с собой в руке, поэтому один раз и уронил, кстати. И разбил. А потом собрал. И снова не

выпускал из рук, всё ждал-ждал... (Смотрит в зал.) Я и в тубзалет-то, веришь ли, с ней ходил. Я эту тварь сейчас в кои-то веки с собой не взял. А они позвонили именно сейчас. Надо же... (Смотрит на телефон, проводит дрожащим пальцем по экрану, экран загорается с новой силой.) Да, номер этот первый раз вижу, но это точно они. Я чувствую. Даже не чувствую, а знаю. (Смотрит в зал.) Больше никаких звонков не жду. Да и кто мне будет звонить, ни друзей, ни плетей. Работаю через инет... Это точно были они. Потому что это должно было когда-нибудь случиться. Потому что я этого заслуживаю. Я знал, что они оценят. Я пожертвовал всем, я ничем себя не связывал, потому что ждал и верил. Ну, хорошо, лучше сейчас, чем никогда. (Смотрит на телефон.) Но перезванивать я не буду. А что я им скажу? Здравствуйте, вы мне звонили? Голос будет дрожать, я знаю. А если там, не дай Бог, кто-нибудь строгий трубку возьмёт, я же сразу замнусь, что-то промямлю и всё, прощай жизнь, о которой так мечтал и, главное, которой на самом деле достоин. (Смотрит в зал.) Но перезванивать я не буду не поэтому. А потому что нечего сразу лебезить чего-то там, стараться понравиться, заискивать, типа я беспокоюсь, вот сразу и перезваниваю. Нет уж. Перезванивайте сами, и я отвечу вам строго и уверенно, так, что вы не сможете на меня надавить. Понимаешь, о чём я? Чтобы, если что, это они

меня побеспокоили, я особо и не напрашивался. (Смотрит на телефон, нажимает на нём кнопку, проводит пальцем по экрану, тот загорается с новой силой.) Блин, батарейки нет почти. (Открывает ящик стола, достаёт оттуда зарядку, подключает её к телефону и в розетку, что под столом, вылезая из-под стола, сильно ударяется о его крышку головой.) Айск! (Со всей силы бьёт рукой по столу и тут же, скорчившись, хватается за руку.) Да блин! (Бьёт по столу ногой.) То чувство, когда весь материальный мир настроен против тебя! (Подходит к краю авансцены, смотрит в зал, как в зеркало, всматривается в своё лицо, улыбается, хмурится, ковыряет ногтём между зубов, прекращает всякие движения, несколько секунд тупо смотрит в зал.) Урод! Надо же таким быть! Вот и смотрят на меня все, как на идиотика. (Снова улыбается, скалит зубы.) В зубах ещё что-нибудь застрянет вечно. Но теперь всё по-другому будет, понял? Главное, что они позвонили. Теперь надо ждать и настраиваться, перезвонят обязательно. Буду ждать. (Отходит к окну, смотрит в окно.) Ждать... ждать — это то, что лучше всего у меня получается. Мама говорила, что я и родился-то позже положенного срока. На два дня, кажется. Тоже, наверное, сидел там скрюченный, у мамки в раздутом животе и ждал, когда позовут. А никто не звал. (Поворачивается к залу, смотрит в зал.) Но это не страх. И не стеснительность, ты

слышишь? Это скромность. Я бы даже сказал, врождённая интеллигентность, понимаешь? Да, я не начинаю отвечать до того, как мне зададут вопрос. Я вообще не открываю рот просто так. Это я наедине с тобой ещё что-то говорю, пытаюсь объяснить. Но ты — другое дело. Ты — это я. То есть самый близкий мне человек. А с другими я в меру закрыт. И считаю, что это правильно. Ещё раз говорю, это не страх, не стеснительность, не закомплексованность, а природная интеллигентность, если хочешь. (Задумывается.) Да, именно так. (Садится за компьютерный стол, водит мышкой по столу, монитор загорается и освещает его пугающе бледное лицо.) Вот за что люблю Интернет, так это за то, что здесь не надо напрягаться. Можно общаться и не смотреть людям в глаза. Ведь не дай Бог заглянуть в глаза собеседнику — там же вся его подноготная, вся его прошлая и настоящая жизнь со всеми его секретами и заморочками, а зачем это мне? Если общаюсь с кем-то, то с конкретной целью, по конкретной теме и не нужна мне вся его прошлая и настоящая жизнь, мне своих секретов и заморочек хватает. Так же, как и ему своих. Пообщались на определённую тему, оказали друг другу определённые услуги и хватит, довольно. Ну зачем мне знать, как у человека дела? Ведь незачем, правда? Так вот в сети можно общаться максимально... опосредовано, что ли. Я больше

всего люблю переписку. Напишешь сообщение собеседнику, и пусть он читает его, когда ему, собеседнику, удобно. (Смотрит на телефон.) А звонить я не люблю. Вдруг позвонишь, да не вовремя. А если у человека звонит телефон, то он как бы не может не взять трубку. То есть, может, но всё-таки с телефонами так не принято, особенно с мобильниками. Зачем тогда мобильник, если по нему не отвечать? (Смотрит в зал.) Вот помнишь Машу, чуть ли не первую любовь нашу? Или нелюбовь. Теперь и не знаю... Короче, помнишь, как мы с ней расстались? Я просто не вовремя позвонил, чтобы извиниться. А она как раз была не одна. Я это понял по её голосу. Что-то проямлил, а потом она сама так и сказала: «я не одна». Но я уже настроился читать ей своё стихотворение, которое заранее приготовил. Я даже не уточнил, что значит «не одна». Я даже не спросил, с кем, если не одна. Я просто начал читать. (В одну руку берёт телефонную трубку, подносит её к уху, в другую берёт блокнот, рука с блокнотом заметно трясётся.)

*Я в этой жизни, как в гостях.
Гуляют нервы на костях,
Гуляют нервы по костям,
Как по гостям.
Я в этой жизни на сносях.*

*Я в этой жизни, как везде,
На небесах и, вместе с тем,
на дне.
Гуляючи по разным областям,*

*Как по костям,
Я в этой жизни в борозде.*

*Я в этой жизни, как в груди.
Всё бьюсь, меня береди,
И будет только веселей,
Как у людей,
Я в этой жизни как в пути...*

(Смотрит в зал.) И вот я из последних моральных и психических сил дочитываю этот стихок... А в трубке что-то поскрипело-поскрипело, а потом раздался мужской голос, который потребовал, чтобы я — урод — больше Машеньке моей не звонил. Я промолчал, ничего не ответил, дождался, пока на том конце положат трубку. Короткие такие, насмешливые гудки. (Убирает телефон от уха.) Но ты не думай, что я испугался как-то. Я хотел и даже собирался его обматерить, потом хотел дойти до её дома, но подумал: «А зачем?» Что я мог ей сказать? Она же больше не хотела меня видеть. Да, я действительно был, хоть и немного, но виноват перед ней: праздновал свою меланхолию, портил ей настроение. Что я мог сделать, если она больше не хотела меня видеть и вообще нашла кого-то другого? Вот я ничего и не сделал. (Бросает на стол и телефон, и блокнот, встаёт из-за стола, подходит к окну.) Больше мы не общались. Не знаю, что у них было дальше и вообще в тот день у неё дома... Мне только хотелось, чтобы этот... который вклинился в моё поэтическое повествование, оказался

козлом. И я жалел потом, что не послал его хотя бы по телефону. А потом стыдил себя за то, что пожелал ей козла. Она хорошая, во всяком случае, была и заслуживала совсем даже не козла... А какого-нибудь... льва, например. Может быть, этот... тот как раз и был тем львом. (Смотрит в зал, несколько секунд молчит.) Ладно-ладно, не смотри на меня так. Дело давно прошлое. (Смотрит на телефон, подходит к телефону, нажимает кнопку на телефоне, проводит рукой по экрану, экран загорается с новой силой.) Сейчас главное — этот звонок. И через некоторое время, совсем скоро, она увидит меня совсем другого — красивого, успешного, открытого, но такого загадочно печального, и подумает, что грусть в моих глазах — это о ней, что это печать нашей любви, которая закончилась так бесславно. (Смотрит в зал.) Всё-всё, больше не буду. Дела сердечные, сам понимаешь, нет-нет, да нахлынет. (Смотрит на телефон, нажимает на нём кнопку, проводит по нему пальцем, экран загорается с новой силой.) И почему не перезванивают, может, завтра уже? Но у них же там ещё не совсем вечер. Если я им действительно нужен. (Садится за стол, смотрит в компьютерный монитор, берётся за компьютерную мышь.) Где я только не был за свою недолгую жизнь, чего со мной только не случилось... (Тихо напевает.) Целым был и был разбитым, был живым и был убитым. Чистой

был водой, был ядом, был... Хоть и ночь чернеет впереди, никто не погасит у себя свет и не придёт, я знаю. Где я только не был, чего только не пробовал. Вылезал через это окошко в большой мир. (Кивает на монитор.) Бродил по информационному лабиринту мировых масштабов, потом, нагулявшись, забирался обратно. Тут главное — не потерять своё окошко, через которое ты залез, и успеть вернуться до полного привывкания. У меня пока получается. А выхожу в реальный мир, меня рикошетит от первых же препятствий, но я всё-таки проскакиваю, пропрыгиваю, а потом всё же ударяюсь о такую стену... от такой стены только назад отскакивать... В общем, правильно меня Мячиком прозвали. Хотя прозвище появилось обидным путём... Но ведь прозвали правильно. (Смотрит на телефон.) Вы перезванивайте, не стесняйтесь, берите меня, бейте об пол или об стену, я упругий, я отскачу и снова к вам в руки. Только не пинайте, а кидайте, я ручной мячик. (Смотрит в зал.) Это во доре меня Мячиком прозвали. Я был в нашем дворе самым маленьким. И толстеньким при этом. Старшие пацаны играли мной в футбол. В прямом смысле. Пинали. Я выходил во двор, чтобы с кем-нибудь наконец познакомиться и поиграть с этим кем-нибудь. А играли мной. Пинали. Просто с гоготом брали за шиворот, давали пинка хорошего, и я катился к следующему пинку, потом

к следующему. Не успевал вставать между пинками, так мною и разыгрывали партию-другую. В общем, пинали. И ржали. До сих пор в ушах это ржание. Никогда не забуду. (Отходит к окну, смотрит в окно, как в зеркало.) Потом я приходил домой, пробирался (старался как можно незаметнее) мимо родителей в свою комнату, вот в эту комнату. (Оглядывает комнату.) Грязный, побитый, я долго смотрел в зеркало и представлял себя высоким и красивым, таким, какого не будут пинать просто потому, что он высокий и красивый, такой же, как все. (Поворачивается к залу.) Я даже пытался качаться и нашёл упражнения, регулярное выполнение которых обещало быстрое увеличение роста. (Снова поворачивается к окну.) Потом остывал от обид на своё тело и родителей, которые меня таким сделали, снова подходил к зеркалу, рассматривал себя и думал: «Зачем мне быть таким, как все? Главное ведь индивидуальность, и так сойдёт». (Подходит к столу, садится за стол, берётся за компьютерную мышь, экранный монитор загорается с новой силой, освещая его лицо.) Уже сильно потом, в свой подростковый период, вспоминая это своё состояние — во время второго взгляда в зеркало — я маленький стишок сочинил. (Берёт блокнот, читает.)

Я монах.

Мой монастырь во мне.

И мной себе же дан обет.

Пошли все вон.

Не говорите мне, что

выхода здесь нет.

Он есть.

Но, я монах.

(Откладывает блокнот, смотрит в зал.) Я до сих пор иногда представляю себя большим и красивым. А зачем? Всё равно таким не буду. (Задумывается.) А все проблемы начинаются с выдающейся, в плохом смысле, внешности. Вот был я маленьким и круглым, меня и пинали. Хотя я до сих пор ни в чём не виноват... Потому что ничего не делаю. (Смотрит на телефон.) Но вы не подумайте, я до сих пор ничего не делаю, потому что не понимаю, что делать. Что я должен делать, чтобы стать успешным, большим, красивым и таким загадочно печальным, чтобы Машенька поняла наконец, кого потеряла... (Нажимает на телефоне кнопку, проводит пальцем по его экрану, тот загорается с новой силой.) Совсем немного до окончания рабочего дня у них там. Ну, почему вы не звоните? А? (Хватает телефон, подбегает к окну, открывает окно, кричит на телефон.) Если ты в ближайшее время не зазвонишь, я тебя выкину, тварь, ты понял?! А!? А!? А!? (Крепко сжимает телефон в руке, закрывает окно, садится на пол под окном, прислонившись к батарее, смотрит в зал.) Тепло, да? Недавно топить начали. Ещё не на всю раскочегарили. Я люблю, когда тепло. В сущности, тепло

— это главное, чего мне всегда не хватало. Во всех смыслах. В детстве, в юности, в молодости, которая, надо понимать, на исходе. Да, я всегда мёрз, даже летом. Вот знобило прям физически. И холод этот изнутри шёл, значит, душу знобило... и знобит. Потому что кто-то греть должен. Всегда. Меня никто не грел. С детства ни одного тёплого словечка не дождусь ни от родителей, ни от сестры, ни от сверстников, ни от учителей, ни от противоположного пола... (Задумывается, улыбается.) А у меня ведь есть одна отдушина. Ты знаешь, о чём я, но я покажу ещё раз. (Встаёт, подходит к столу, садится за стол, берётся за компьютерную мышь.) Вот они — мои красотишки. Блондинки, брюнетки, шапки, рыжие, мелированные, латиночки с формами... Они у меня все хорошие. Целая галерея. По всей Сети их собирал. Я на них смотрю и разговариваю с ними, вожу их в кино и в рестораны, катаю на своих машинах, гуляю с ними вечерами, обнимаю их, занимаюсь с ними любовью... И вся эта романтика умещается в моей небольшой голове, представляешь? (Смотрит в зал.) И, ты знаешь, они тёплые. В них то тепло, которое вдыхаю в них я. В них моё тепло, поэтому мне с ними так хорошо. (Молча просматривает фотографии.) Блин, ловелас прям. Машенька, прости, но ты должна меня понять. (Смотрит в зал.) И потом, разве это измена? Это ты мне изменила, а я после

тебя так ни с кем и ничего. Только вот с ними. (Смотрит на монитор.) Всё в них меня устраивает. Кроме того, что они не знают о моём существовании. (Нажимает кнопку на мониторе, монитор гаснет.) А вот так вот выключишь комп, и сразу страшно становится. Страшно тоскливо. (Берёт блокнот, листает его.) Сейчас... у меня и на эту тему стишок есть. Вот. «Воображаемое»:

*Придуманная лучше
нарисованной,
А нарисованная хуже
настоящей.
Но главное при воплощении
мечты —
Не перейти шизофренической
черты.*

*Он перешёл...
Виной тому была, наверное,
тоска.
Манили, как взаврадашние,
Два розовых соска
Воображаемой Любви.*

*Додуманная лучше
схематичной,
Одна и та же лучше
незнакомок.
Но, главное условие игры —
Не перепутать бранные
миры.*

*Он перепутал...
Итогом стала маята —
Единственное — явное всегда.
Сгубили, так по-настоящему,
Крутые бёдра
Воображаемого счастья.*

(Смотрит в зал.) Вот видишь как, всё я понимаю. Понимаю всю пограничность своей ситуации. А как иначе? (Смотрит на телефон.) Мне же надо чем-то перебиваться, в ожидании звонка заветного. (Пауза.) Ну, чего ты не звонишь? Счёт пошёл на минуты, испытываешь моё терпение? (Кричит на телефон.) Вы думаете, я не понимаю, что завтра вы уже не позвоните?! А!? Вы думаете, я не понимаю, что таких, как я, у вас миллион!? А!? (Смотрит в зал.) Ты не помнишь, когда я им заявку отправил точно? Ведь год прошёл почти, да? А до этого я их всю жизнь искал, ждал. Соизволили позвонить. А я в сортире. Да, вся моя жизнь в этом.

Комната на несколько мгновений озаряется движущимся светом, доносится звук останавливающейся машины. Мячик срывается с места и подбегает к окну, смотрит на улицу, ухмыляется.

Ну, что, за мной? Решили не перезванивать, так приехать? Конечно, нет. Сосед. Ну вот куда ты её припарковал опять к подъезду? Вот чтоб к тебе скорая приехала, и не смогли тебя вынести из-за твоего же ведра с болтами, урод! (Отходит от окна, смотрит в зал.) И ведь знаю, что никто мне не перезвонит и уж, тем более, не приедет. Кто я такой? Была вот единственная возможность стать кем-то серьёзным, и ту просрал. В прямом смысле. Вот вся моя

жизнь в этом. (Смотрит в окно.) И вот уже очередная — тридцать третья — осень, а я всё здесь, в своём шкафу. А ведь такой потенциал имею, такие способности пропадают. Горы свернуть готов! (Смотрит на телефон, нажимает на нём кнопку, проводит пальцем по его экрану, тот загорается с новой силой.) Только мне нужно помочь. (Пристально смотрит в телефон, пока тот не гаснет окончательно.) А время-то идёт — линейная скотина. Нет, не перезвонят они, оттуда два раза подряд не звонят. (Смотрит в зал.) Ну, что теперь, переступить через себя и позвонить самому? Время-то идёт. (Берёт телефон, выдёргивает из него провод зарядника, отходит к окну, затем к компьютеру, проводит пальцем по экрану.) Так, стоп, что сказать-то? Надо сразу решить, чтобы не мямлить, не тупить. Так... звоню, мне говорят «ало» или «да», или даже «алё». Я строго и ровно говорю, что мне с этого номера звонили. Меня наверняка спросят, кто я. Я представлюсь также ровно и строго. Мне скажут: «ах, да-а-а-а!», ну и так далее... (Начинает нервно ходить из угла в угол, проводит пальцем по экрану телефона, подносит телефон к уху, набирает воздуха в лёгкие и тут же поспешно сбрасывает вызов, останавливается.) А если мне скажут, что меня сейчас переключат на главного, а главный начнёт мне задавать какие-нибудь вопросы, на которые я не смогу ответить сразу? Что,

если я загулю, и главный ре-
шит, что они ошиблись, не надо
было мне звонить? (Вопроситель-
но смотрит в зал.) Что ты так на
меня смотришь? Да, боюсь. Ведь
один неосторожный шаг и всё —
пропасть. Второго раза не будет,
я же понимаю. (Откладывает теле-
фон, садится за стол.) Сомне-
ния, сомнения, как я их ненави-
жу. Это всё бесовские проделки.
(Смотрит в зал.) В каждом из нас
сидит дьявол, ты знал? Он сидит
в каждом из нас точно, ведь если
бы не сидел, были бы мы такими
плохими и никчёмными? Это он
сидит где-то внутри и нажимает
всякие чёрные кнопки. Вот и со-
мнения бесконечные во всём... это
всё он, сволочь. И ведь не пой-
маешь его, даже внутри себя. Я
пробовал — не получилось. (Бе-
рёт блокнот, листает.) Сейчас... у
меня же и про это стихотворение
есть... Вот:

*Спалили дьявола,
он прятался в деталях.
Зажали тёмного,
да прямо между строк.
А дьявол не сопротивлялся,
Как будто знал, что даже
у него есть срок.
Начало и Конец — вот
главное,
а остальное всё детали.
Скрутили дьявола,
да прямо как святого,
Избили бедного,
да били дотемна.
А дьявол даже не кричал,
Как будто верил, что люди
с ним ещё не так суровы,*

*Как если б били бы какого-то
святого,
да-да, не говорите, что
не знали.*

*Убили дьявола,
да прямо без суда.
Спалили тёмного,
наверняка — дотла.
А дьявол проявился снова
Улыбкою Чеширского кота,
И снова прыг в детали,
Как будто знает, чёрт, что
все его грехи с лихвой
покроет суета.*

(Смотрит в зал.) И вот сейчас
я сижу, у меня совсем немного
времени. Я вроде понимаю, что
должен сделать. Понимаю, что
должен хотя бы попробовать. А
не могу. Палец не поднимается
на кнопку вызова нажать. Это
всё он, дьявол, сидит там внутри,
мешает мне устроить мою жизнь
и хихикает. (Смотрит на теле-
фон.) Но я же человек, у меня же
должна быть хоть какая-то воля?
(Смотрит в зал.) Если я родился,
то, значит, должен жить? А если
должен жить, то должен жить
хорошо. А значит, надо к этому
стремиться, противостоять и со-
мнениям, и лени, и даже дьяволу,
каким бы коварным он не был.
Так ведь? (Задумывается.) Так,
всё, хватит тупить, время-время,
звоню... А чтобы настроиться,
надо просто сосчитать до десяти...
чтобы дыхание восстановить...
нет, до пятнадцати, до двадцати...
нет, до тридцати... Всё. Точно.
До тридцати досчитываю. Раз.
Два. Три. Четыре. Пять. Шесть.

Семь. Восемь. Девять. Десять... Одиннадцать... Двенадцать... Тринадцать... (Переводит взгляд на окно.) Часто задумываюсь над темой судьбы, рока. Есть она — эта судьба — или нет её? Ведь бывает так, стараешься-стараешься, и ничего. А бывает, что не стараешься и даже не задумываешься, а получается как нельзя лучше само собой. (Смотрит в зал.) Так есть судьба или нет, как ты считаешь? Стоит ли вообще напрягаться в этой жизни или, действительно, судьба и на печке найдёт? Я на своей печке, считай, ровно тридцать три года. Шутка ли... Может, и шутка. Все мы — одна большая шутка Бога. (Смотрит в окно.) А в космических масштабах совсем даже и небольшая. Может, юмор моей жизни как раз и заключается в том, что я должен просидеть в своём шкафу всю жизнь? Так почему же я сразу в гробу не родился? (Смотрит в зал.) Или я должен сделать так, чтобы Богу не показалось мало и у него не было поводов для смеха? Звоню. (Нажимает кнопку на телефоне, проводит по экрану пальцем, подносит телефон к уху, несколько секунд ожидания, убирает телефон от уха.) Занято. Вот так вот, вечно настроишься, а там, видите ли, занято, разговаривают они. Ну ладно, можно перевести дух. (Наливает из фильтра воду в стакан, со стаканом в руке отходит к окну, смотрит в окно, смотрит на небо.) А вот я в детстве не хотел быть космонавтом. Я им был. Когда ложился спать. Накрывался с головой одеялом и представлял

себя в космическом корабле, даже на космической станции... Тесное пространство, множество всякого неземного оборудования, кнопки, огонёчки... (Смотрит в зал.) А в иллюминаторе Земля. Такая голубая, безопасная и совсем даже не злая. Родная планета, вид сверху. Я так чётко всё это себе представлял... (Смотрит в окно.) Мне нравилось, что я могу представить себя где и кем угодно. Находясь на воображаемой космической станции, среди воображаемых кнопочек и огонёчков, глядя через воображаемый иллюминатор на воображаемую Землю, я чувствовал себя важнее реального мира и думал, что всё, включая будущее, на самом деле в моих руках. (Смотрит в зал, подходит к краю авансцены.) Я ошибался, и ты ошибаешься, если всё ещё думаешь, что можешь всё. Не можешь. Вообразить можешь, а сделать — нет. Потому что воображение безусловно, а в реальной жизни условностей не счесть. Понял? Надо звонить. (Направляется к столу.) Звонить, пока не ответят, другого шанса не будет. И пофигу, что они там про меня подумают, разберёмся по ходу. (Берёт телефон, нажимает кнопку, проводит рукой по экрану, через короткую паузу нажимает на иконку вызова, подносит телефон к уху, набирая воздух в лёгкие, через пару секунд хмурится.) Кто недоступен? Не может быть. (Снова посылает вызов и подносит телефон к уху.) Нет, не может быть. Хотя, мало ли. (Садится за стол, не выпуская

телефон из рук.) На мыле тоже ничего? (Водит мышкой по столу, монитор загорается с новой силой.) Тоже ничего. (Смотрит в зал.) Но это же были они, правда? Кому я ещё нужен? Они, видимо, оценили мой потенциал, решили дать мне шанс, место для шага вперёд, и это главное. А дальше я сам. (Допивает воду, наливает ещё, в фильтре воды не остаётся.) Ты же помнишь, что я несколько раз пытался выйти в люди? Ты помнишь, какой ценой мне это давалось? Ты помнишь, что ничего не получилось не по моей вине? Вот и сейчас переступаю через себя, перезваниваю, а они уже в отключке. Вся моя жизнь в этом, скажи. Почему всё так глупо? (Бросается к окну, смотрит вверх, кричит.) Почему всё так тупо в этой жизни, не подскажешь? Почему я столько всего могу, но это никому не нужно, а? (Садится под окном, облакачивается на батарею, за окном начинает идти снег.) Да знаю я всё, что он скажет. Мне посылаются испытания, я их должен переживать, преодолевать трудности. Что это непросто, но это делает меня сильнее. Пустое всё. Если я и становлюсь лучше, то для того, чтобы снова преодолевать трудности, ещё более трудные трудности. А счастье, если и случается, то так, на секундочку, такую секундочку, про которую непонятно, была ли она вообще. Главное, спастись, душу спасти. От чего спасти-то? Где, как говорят драматурги, альтернативный фактор? (Тяжело вздыхает.)

*А у нас тут опять снег —
Грязно-белым цветёт зима,
Да по кругу лихой бег —
Тошнотворная кутерьма.*

*А у нас тут опять жесть —
Местной новости не читай.
Не выходит благая весть,
Во что и как не играй.*

*И всегда тут у нас вот так —
Что не день, то новая жесть.
А иначе-то жить как?
Мы не знаем...*

(Смотрит в зал.) А у кого ответ есть? (Машет рукой, встаёт, подмигивает телефону.) Остаётся только пить и напиться. (Берёт фильтр и выходит из комнаты.)

В комнате остаётся полумрак и тишина. Снег за окном усиливается. Часть комнаты освещается слабым светом — это с новой силой загорелся экран телефона. Раздаётся «ззз... ззз... ззз...», через секунду-другую из динамика телефона начинает звучать мелодия звонка.

Из коридора доносятся быстрые шаги, глухой стук, раздражённое «ай ск!», в комнату быстрым шагом, прихрамывая, заходит Мячик с полным фильтром в руках, подходя к столу, он обо что-то спотыкается, выпускает фильтр из рук, тот падает на стол, вся вода выливается на телефон, который тут же замолкает.

Немая сцена: Мячик смотрит на телефон.

Да что ж я за мудака-то такой, а!!! (Начинает ударять кулаками по всему, что попадает на пути, пинает лежащий на полу фильтр.) Скотина! (Пинает стол, стул, кровать, падает на кровать, накрывается с головой одеялом, слышны слёзные всхлипы.) Никогда себе этого не забуду! Всё! Пошли все вон! Я в космосе! В своём космосе! (Затихает.)

Всё пространство комнаты заполняет фоновый радишум, поверх него несколько длинных гудков, затем щелчок.

ГОЛОС МЯЧИКА (преобразованный динамиком телефона): Вы позвонили неудачнику по прозвищу Мячик. К сожалению, Мячик сдулся, поэтому не может сейчас подкатиться к телефону. Если у вас что-то действительно важное, в чём я сильно сомневаюсь, оставьте сообщение после звукового сигнала.

Короткое «пип».

ГОЛОС МЯЧИКА (только более живой): Привет, это я — твой Разум. Звоню тебе, а ты не перезваниваешь. Нет, ты перезванивал, а я не абонент был. Я всё ещё в дороге, представляешь? Но я скоро буду у тебя. Не завтра, так послезавтра. Дождись меня, не делай там глупостей. Я, собственно, что сказать-то хочу: тебе если ещё не звонили, ну, кому-то ты там заявку отправлял, ты не истери, а то уже истеришь, наверное, я тебя знаю. Ты им

напиши ещё раз. Спокойно напиши письмо по электронке и жди ответа. Не ответят, чёрт с ними. Ты, главное, начни радоваться текущему моменту, чтобы не тупить от скуки. Делай то, что умеешь потихоньку. Не знаю... Уборка, например, — хорошее отвлечение от мыслей тоскливых. Ну, ладно, я в пути, скоро буду, пока! Самое главное, не скучай. (Фоновый шум прекращается.)

Из-под одеяла показывается Мячик. Он принимает сидячее положение. Думает. Встаёт с кровати, подходит к столу, нажимает кнопку телефона, проводит по его экрану пальцем, экран остаётся тёмным. Мячик поворачивается к компьютеру, начинает стучать пальцами по клавиатуре.

МЯЧИК: Здравствуйте... Нет. Доброго времени суток... Нет, нахер выпендрёж этот... Здравствуйте! Я вам чуть меньше года назад отправлял заявку, вы ничего не ответили по электронной почте, но, видимо... видимо, слышимо, что вы мне звонили... Нет, опять выпендрёж. Видимо, вы мне звонили, я не успел... к сожалению, не успел ответить. Я перезвонил... Нет, я сразу перезвонил. Сначала было занято... нет, сначала было занято, потом абонент недоступен. Так. (Внимательно перечитывает, только что написанное.) Дальше, собственно, просьба должна быть. Ага... (Печатает.) Прошу мне перезвонить, как только... нет, слишком

дерзко, наверное. Телефон я испортил... нет. Телефон я нечаянно испортил... нет. Поскольку телефон испортился, я прошу... или требую? Нет, прошу ответить мне по электронной почте о своём решении насчёт меня... нет. Насчёт моей кандидатуры. Нет, надо НЛП включить. Прошу сообщить мне о вашем положительном решении по электронной почте. (Перечитывает.) Нормально вроде. (Печатает.) С уважением... нет. С уважением и упованием... блин, опять на выпендрёж тянет. С уважением... такой-то. (Бьёт пальцем по клавише «Enter».) Вот так. Пусть отвечают, как хотят, любой ответ приму. (Смотрит в зал.) Мне всё равно на внешний мир, поэтому пусть происходит то, что происходит. Я в космосе, в своём микрокосмосе, ты не забыл? Вот и не забывай. Где у меня тут последний стих... (Листает блокнот.) Как это ни странно, последнее стихотворение на последней исписанной странице. Итак...

*Кажется, дело идёт к войне.
Эту мысль не утопишь
в вине.*

*В многоэтажных домах на
каждом окне написано:
«Дело идёт к войне».*

*И если дело идёт к войне,
То по чьей же теперь вине?
Кто в этот раз не сдержался
и плюнул в лицо,
Тому, кто скакал на
соседнем коне?*

*Ведь если дело идёт к войне,
Да неважно по чьей вине,
Нас могут убить просто
так — без ответа.
Кем бы кто ни был в
этой игре.*

*Впрочем, пусть всё идёт
к войне.
Я отсижусь у себя на дне.
А когда всплыву, то узнаю
несмело,
Был ли смысл в войне,
К которой шло дело.*

Вот так. Выживут только интроверты.

Из компьютерных звуковых колонок доносится короткий сигнал, Мячик переводит взгляд на монитор.

(Читает с монитора.) Добрый день... какой нафиг день? Добрый день, такой-то, ваша заявка была отклонена ещё на первой стадии отбора. Просим прощения за несвоевременный ответ. С уважением... С уважением? Это, блин, неуважение! Уроды! Вот, вся моя жизнь в этом. (Смотрит в зал, пожимает плечами.) Но нет, так нет. Даже как-то легче стало. Но время-то идёт. Надо хоть что-то полезное сделать. Пойду, мусор вынесу, что ли. (Встаёт, смотрится в пространство зала как в зеркало, поправляет волосы, выходит из комнаты, через секунду раздаётся грохот и раздражённое «да что тыск!»)

Занавес.